

Тредиаковский Василий Кириллович

Сочинения Тредьяковского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В19

В19 **Василий Кириллович Т.**
Сочинения Тредьяковского / Тредиаковский Василий Кириллович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 806 с.

ISBN 978-5-519-77388-1

ISBN 978-5-519-77388-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ самомъ началѣ сплхъ моихъ трудовъ предлагается вамъ, благосклонный Читатель, Наука о Стихотвореніи и Поэзія, сочиненная отъ Боало-Депредъ, Французскаго славнаго Сатірика. Послѣ Гораціевы Эпістолы о тойже матеріи къ Пізовамъ, Римскимъ знатнымъ особамъ, сія Депредова почтается искусными за верьхъ совершенства въ семъ родѣ. И повстинѣ, все что ни сочинялъ Боало, есть исправное и удивительное; но Наука его Піптіческая, кажется, предъ всѣмъ находится превосходная, какъ въ рассужденіи состава Стиховъ, и чистоты языка, такъ и въ рассужденіи порядка, и правилъ въ ней предлагаемыхъ. Съ другой стороны, ей и не быть совершенною невозможно: почерпнута она изъ самаго чистаго источника, а именно, изъ появивутыя Флакковы Эпістолы. Въ сей взялъ мой Авторъ не токмо планъ, но и по са-

мой большой части изображенія; а правила всѣ безъ изъятія: самъ токмо отличается послѣдній отъ перваго, что переднее Римское иногда есть заднее Французское, и что пространнѣйшее во Французскомъ, чтется на нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеннѣйшее въ Латинскомъ писателѣ, и вопреки. Впрочемъ, коль Подлинникъ есть неподражаемымъ, толь и Списокъ: Оба изъ сочинителей на своемъ языкѣ Авторы, хотя и обоемъ былъ предвѣйшій предводитель, Латинскому Греческій Арістотель въ Наставленіяхъ своихъ о Поэзіи, а Французскому Латинскій Горацій; и потому оба велики, что у обоихъ были предъ очами образцы всесовершенныи въ томъ.

Чтожъ до меня, Французскую Боалд-Депредву Науку, какъ большей части читателей извѣснѣйшую, составилъ и я нашими Стіхами; а для показанія всѣмъ, что Боалд-Депред все-на-все взялъ изъ Гораціева, не оставилъ я и сея, и положилъ ея послѣ, но токмо Прозою. Довольно Стіховъ для чтенія и въ четырехъ Пѣсняхъ Боаловыхъ: но въ различеніе тояжъ самый матеріи, рассудилъ я, что одно, которое нибудъ изъ сихъ сочиненій, лучше представить Прозою. Паль жребій судомъ моимъ, чтобъ Гораціевой Эпістолѣ быть слободнымъ, а Боаловой Наукѣ заключеннымъ словомъ, и предшествовать. Причина сему, не убѣжаніе отъ трудности, коя въ обоимъ случаѣ велика, но токмо мое произволеніе: могла и Гораціева также быть составлена Стіхами; могли и обѣ предложиться Прозою. Одна-

ко мнѣ показалось пристойнѣе, чтобъ одно предъизъявляло важность токмо правилъ въ подтвержденіе ихъ въ другомъ; а сіе другое, представляя прежде тужъ самую твердость, услаждалобъ притомъ и мѣрою и Рнемою, и чрезъ тобъ больше предуготовило разумъ къ внятію ихъ въ послѣднемъ: итакъ, другое сіе преимущество присудилъ я Боалд-Дспреду Сочиненію. Сего главнымъ раздѣлы различилъ я между собою не одними пространнѣйшими пробѣлами, но еще и Стопою Стіха Гексаметра: ибо, первую Пѣснь воспѣвъ Іамбіческимъ Стіхомъ, вторую пою Хоріическимъ; равнымъ образомъ и третію съ четвертою Пѣснію по премѣнамъ. Не оставляю вамъ донести, благосклонный Читатель, и сіе, что каждый Боалдовъ Стіхъ, изображается каждымъ же моимъ однимъ; такъ что, сколько у Боалд во всякой Пѣснѣ, и во всѣхъ четырехъ Стіховъ, столькожъ и у меня во всемъ томъ составѣ: сіе подлинно весьма трудно, но силъ человѣческихъ не выше.

Какъ то ни есть; токмо признаваю съ болѣзнію сердца, что сіе самое донесенное теперь вамъ, благосклонный Читатель, которое казалось бы долженствовавшимъ привоспѣть мнѣ честь за подъятіе труда, и за обогащеніе нашего языка тѣмъ, чему у насъ давно быть надлежало, и еще при самомъ начатіи словесныхъ красныхъ Наукъ, напротивъ того, скорѣе можетъ обратиться въ причину укоризны и похуленія. Различныхъ пристрастій языки не пре-

минуть, можетъ быть, разглашать слѣдующее: 1) «Возможноль статья, чтобъ переводныя Стіхи съ Стіховъ могли быть столькожъ хороши, сколько подлинныя, для того что и Прозаическій переводъ терлетъ много силы и красоты предъ подлинникомъ, не то что Стихи? 2.) Да какъ сему Поэтическому переводу быть притомъ и хорошему, потому что Трудившіислупотребилъ тутже Хореическій Гексаметръ, который токмо въѣженъ, а не одинъ Іамбическій, кой есть въсокъ и благороденъ.»

Весь сей вопль, кто услышитъ издали, тому онъ можетъ либо послышаться основательнымъ; но приложившаго ближе къ нему свои слухи, едваль онъ въ состояніи обольститъ оглушить: онъ ни пошлыя не имѣетъ твердости. Чтожъ бы сіе вамъ, благосклонный Читатель, изъяснить; то прошу васъ, не поскучить читая слѣдующее:

Да твердятъ стремящіяся, что переводныя Стіхи съ Стіховъ не могутъ быть хорошими: но и да знаютъ, что сіе произглашаемое вообще, и безъ всякаго изъятія, есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими обрасцами. Извѣсны Аратовы Феномены, сочиненныя Греческими Стіхами. Сіи всѣ переведены на Латинскій языкъ Стіхамижъ отъ Цицерона. Перевода сего видимъ мы многіи Отрывки въ сгожъ Цицерововыхъ книгахъ, названныхъ объ естествѣ боговъ. Каковъ же видимъ сей переводъ? Пускай прочтется токмо оный Отрывокъ, который начинается,

E quibus hunc subter possit cognoscere fultum,
и въ коемъ находится 475 Стіховъ, то есть, довольно для чувствованія сладости, и на усмотрѣніе великолѣпія въ переводѣ: но я не знаю, могъ ли быть толь изряденъ сáмый Подлинникъ Арáтовъ, коль Переводъ Цицероновъ. Теренцій Латинскій Комическій Піитъ кому невѣдомъ, за неподражаемое свое искусство въ изображеніи нравовъ, за точное слѣдованіе естеству, за неухищенную простоту, за красную и нѣжную чистоту языка, и словомъ за все, такъ что никто къ нему ближе подойти, и съ нимъ сверстаться не могъ въ Римѣ? Одна изъ его Комедій, названная *Евнухъ*, въ тотже сáмый день дважды была представлена, поутру и ввечеру, чего еще по то время тамъ отнюдъ никогда не бывало. Но Теренцій всѣ свои Комедіи перевелъ Стіхами съ Греческихъ Менандровыхъ. Цицеронъ объ немъ говоритъ, въ нѣкоторой изъ своихъ Поэзій, проименованной ⁽¹⁾ *Лузі* слѣдующее: ⁽²⁾ «И ты также Теренцій, ко-
«его Стіль есть толь исправенъ, и толь испол-
«ненъ сладости, ты намъ переводишь и совер-
«шенно выражаешь Менандра, да и даешь ему
«говорить съ несравненною сладостію Римскимъ

(1) Δειμῶν.

(2) Tu quoque, tu solus lecto sermone, Terenti,
Conuersum expressumque latina voce Menandrum,
In medio Populi sedatis vocibus effers,
Quidquid come loquens, atque omnia dulcia linquens.

«языкомъ, пзбирая все, что есть самое вѣжное и сладосное.» Подлинно, всѣ искусныи утверждаютъ, что Теренцій изъ Переводчика съ Греческихъ Стіховъ, здѣлался Подлинникомъ въ своихъ Латінскихъ! Кто скажетъ, говоря о новѣйшихъ съ Стіховъ Переводчикахъ, что Французскіи Стіхи съ Аглінскихъ Поповыхъ о нравственной Матеріи худы? Я не умѣю по Аглінски: но читая Французскій переводъ, чувствую, какъ и многіи другіи чптатели, всю сладость и твердость Подлинника: а сіе самое и показываетъ достоинство Перевода. И хотя исправность Переводажъ, здѣланнаго Португалскимъ Графомъ Эріцейрою сей самой Боаловой Наукѣ, которую я нынѣ перевелъ по нашему, намъ почитай всѣмъ неизвѣсна; однако самъ Авторъ чрезвычайно похваллетъ оный въ письмѣ къ помлнутому Графу: того ради, должны мы повѣрить такому Свидѣтелю, и Эріцейринъ переводъ Стіхамижъ положить достойнымъ и Автора и Переводчика. Можно впрочемъ многихъ превосходныхъ привести изъ новыхъ Переводчиковъ съ Стіховъ Стіхами; можно и о Сегреѣ утвердить, что онъ Латінскую Энеиду перевелъ Французскими Стіхами преизрядно. Корнелій премного переводилъ съ Латінскихъ: Расінъ еще и больше съ Греческихъ и съ Латінскихъ; что самое дѣлали и другіи изъ Французовъ. Самъ Боалд-Депреѣ въ томъ числѣ изъ первыхъ. Но всѣ они то здѣлали, а нынѣ другіи подобно дѣ-

лаютъ, съ довольною, и еще съ великою похвалою.

О Прозаическомъ переводѣ съ Прозы, я ужé и упоминать боюсь: задавить меня неисчетный полкъ достойныхъ и великихъ Переводчиковъ, тѣсясь предстать ко мнѣ, какъ хотящему ихъ по писмамъ перекликать. Того ради, не упоминаю объ Абланкурѣ переведшемъ Минуція-Феликса, Тацита, четыре Цицеронова слова, Луциана, Отшествіе десяти тысячъ Грековъ изъ Ксенофонта, Арріана объ Александровой войнѣ, Извѣстія Цесаревы, Туцидіа, Греческую Ксенофонову Исторію, Апотегмы древнихъ, Стратегмы Фронтіновы, и прочая. Не говорю объ Амелотѣ дела Гуссеѣ; о Лудовикѣ Жіріѣ; о самомъ Депредѣ преложившемъ съ Греческаго Лонгіна о высотѣ мыслей и слога. Умолчаваю также о Дасіерахъ, мужѣ и женѣ, претолковавшихъ съ Греческаго Плутарховыхъ славныхъ Мужей, и Гомера; съ Латінскаго, Горація, и частію Плавта. Не привожу Аббата Бленжера, здѣлавшаго съ Аглінскаго переводъ житіямъ, Энееву, Туллову-Гостіліеву, Арістоменову, Тарквініеву кой старшій, Юніеву-Брутову, Гелонуву, Кірову, и Язонову. Не воспоминаю и о Ліміерѣ, переведшемъ Плавтовы Комедіи, а нѣкоторые и Стихами; также и объ Іезуитѣ Санадонѣ всѣ дѣла Гораціевы; ни притомъ еще о премномомъ множествѣ, и почитай неисчислимомъ, а о всѣхъ совершенныхъ и достохвалныхъ. Одного съ меня довольно Вожласа, ко-

торый одинъ между толь многими свѣтилами на подобіе солнца; а перевелъ онъ на свой языкъ Квінта-Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александромъ великимъ. Но какъ? такъ, что и доднесъ въ сомнѣніи находится дѣло между искусными людьми, лучшемъ Курціи Латинскій Францускаго Вожласова, или Вожласовъ Францускій лучше Курція Латинскаго: то есть, не могутъ прямо опредѣлить, Подлинникъ ли совершеннѣе Перевода, или Переводъ Подлинника. Правда, я сію похвалу Вожласу всегда почиталъ и почитаю за пребезмѣрную, для того, что вижу въ ней чрезвычайное и самохвальное пристрастіе народа къ своему одноземцу. Ролленъ одинъ изъ всего того народа называлъ справедливѣе, для того, что воздержнѣе, Переводъ Вожласовъ превзярымъ только: сіе случилось ему здѣлать при концѣ вступленія въ шестый Томъ древнія своей Історіи, который и самъ по большой части былъ во всей той Історіи токмо превзярымъ же Переводчикъ то съ Греческаго, то съ Латинскаго, а часто еще и Копістъ съ Францускаго по Францускижъ. Какъ то ни есть; токможъ сіе непреодолемо доказываетъ, что Вожласовъ переводъ есть превосходный, что тмы находятся Переводчиковъ Прозаическихъ съ Прозы сáмыхъ добрыхъ, исправныхъ, и такихъ, которыхъ переводъ не токмо не теряетъ ничего силы и красоты предъ Подлинникомъ, но еще иногда нѣсколько ихъ Подлиннику придаетъ, а иногда и равняется съ высотой онаго, и что

доводъ *отъ меньшаго*, какъ называютъ, къ *большему*, (тоестъ, поспе переводъ Прозы много бываетъ иже подлинника, то колыми паче переводъ съ Стиховъ Стихамижъ) есть не весьма основателенъ, чтобъ не сказать больше и справедливе.

Я за потребно рассуждаю предложить здѣсь теперь главнѣйшій *критеріи*, тоестъ неложныи знаки добраго Перевода Стихами съ Стиховъ. И попервыхъ надобно, чтобъ Переводчикъ изобразилъ весь разумъ содержащійся въ каждомъ Стихѣ: чтобъ не опустилъ силы находящіяся въ каждомъ же: чтобъ тожъ самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ: чтобъ сочинилъ оный въ подобной же ясности и способности: чтобъ слова были свойственны мыслямъ; чтобъ они не-были Барбарісмомъ опорочены; чтобъ Грамматическое сочиненіе было исправное, безъ Солецісмовъ, и какъ между Идеями, такъ и между словами безъ прекословіи; чтобъ на конецъ составъ Стиха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ Затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ не-было; гладкость бы вездѣ была; вольностей бы мало было, ежели невозможно безъ нихъ обойтись; и сколько возможно чащебъ богатая Ріѳма звенѣла полубогатыя, безъ напмалѣйшаго поврежденія смыслу; и ежели находятся еще какіи поспѣшествующіи добротѣ перевода. Впрочемъ, къ сему не всеконечно требуется, чтобъ въ Переводѣ быть тѣмже самымъ словамъ, и столькимъ же: сіе много-

кратно, и почти всегда, есть выше человѣческихъ силъ: но чтобъ были токмо равномѣрныя, и конечно съ тѣми точно самыми Идеями.

Итакъ, ежели кому дадутся перевести слѣдующія напримѣръ Волтеровы Стіхи изъ его Метропы.

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un orobre, la mort est un devoir.

а тотъ ихъ и переведетъ симъ образомъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Ужé поносна жизньъ, оставить должно свѣтъ:

то возможножь безъ несправедливости сказать, что сей Переводъ худъ? Онъ такъ исправенъ, какъ всякому искусному видимо, что почитай тѣмижь самыми состоятъ словами, не то чтобъ въ немъ быть какому прекословію. Или также, буде дастся сему Переводчику перевести сей Го-раціевъ Стішокъ изъ несравненныхъ его третіея Оды, книги третіеяжъ:

Iustum et tenacem propositi virum,

такъ, чтобъ переводу быть Гексаметрами, въ двухъ Стіхахъ, и содержать бы цѣлый разумъ, тоестъ, чтобъ сей Стіхъ изображалъ слѣдующій смыслъ, *Мужъ правосудный, есть непоколебимъ въ намъреніи своемъ*, (какъ то и праведно, для того что твердое стояніе въ своемъ чемъ нпбудь безъ справедливости, есть упрямство, а не постоянство) а тотъ и переведетъ его такъ: